

ОЛЬГА
МОЛЧАНОВА

ТЕНИ

В общежитии университета областного центра происходят странные события: одна за другой, с промежутком в несколько дней, две девушки выбрасываются из окна. Студентка Дина Глаголева обращается к журналисту Вере Валуевой, редактору отдела криминальных новостей, с просьбой разобраться, вторая погибшая была ее близкой подругой. В полиции журналистку уверяют, что эти трагедии никак не связаны, в том и другом случае — суицид. Но Вера начинает расследование.

Ольга Молчанова

ТЕНИ

*Открывает
глубокое из среды тьмы,
и выводит на свет тень
смертную.*

**(Библия. Иов.
Гл.12).**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ НА РАССВЕТЕ

Глава I

Глаз, появившийся в дыре забора, помигал энергично, разглядывая новый мир. Затем так же энергично исчез. Две секунды спустя появился дугой, поморгал и скрылся. Грязно-белая курица, целящаяся глазом в дыру, тряхнула задом, откинув налипшие к рыхлым перьям отруби, взяла разгон, как профессиональный прыгун в высоту и... взлетела на жерди, V-образно прибитые друг к другу. Вниз медленно спланировало перо, отмахав последнее «прощай».

Трудовое утро следователя Геннадия Генриховича втиснулось в покой деревенского бытия. Полной грудью он впитывал животворящий коктейль запахов прошлогодней листвы, мокрого сена и ещё чего-то тонкого, дымного. Ароматы деревни возвращали в детство, будоражили сознание, отвлекая от будничной суеты.

«Какая свежесть!» — вслух произнёс он и вздрогнул от звука своих слов, сказанных в звенящую тишину безлюдного утра. Оглядевшись, позволил себе еще одно маленькое удовольствие и поджёг кончик сигареты. Курил он крепчайший табак, от которого в желудке становилось терпко, от того приятно вдвойне. Только вот курица почему-то сбила романтический настрой...

Через несколько минут он стоял у деревянного дома за номером пять. Разбуженная стуком в дверь старушка, босая и в длинном простом платье, отворила засовы и впустила незваного гостя.

— А Игорь еще спит, — растерянно ответила она и, разволновавшись, позвала внука.

— Кто там? — в дверном проёме показалась давно не стриженная голова. На заспанном лице молодого человека было скорее удивление, чем беспокойство.

— Ваша знакомая Светлана Воронина, — капитан сделал паузу, а Игорь в этот момент как

будто напрягся, — вчера ночью свела счёты с жизнью, как говорится. Вы — последний, кто видел её живой.

— Что вы сказали?... Это, это какая-то нелепость, — губы его задрожали.

— Собирайтесь, молодой человек. Мы как раз и поговорим с вами о нелепостях нашей жизни.

Старушка охнула, прикрыв рот костлявой натруженной ладонью, но сказать ничего не посмела.

...Впоследствии Игорь рассказал, что был у Светланы где-то до часу ночи. Они слушали музыку, пили чай. Ничего беды не предвещало. Девушка была, как обычно, спокойной и разговорчивой. Да, они дружили с первого курса. Интим между ними не было. Отвечая на вопросы, парень то и дело замолкал. На глаза его наворачивались слезы, он словно уходил в себя, начинал снова невпопад. Крупные губы были обветрены и в уголке даже искусаны до крови. Создавалось впечатление, что переживает он искренне.

— Всё, что вы рассказали, конечно, похоже на правду, — сказал следователь. И задал вопрос, немедленно зависший в воздухе: «А КАК ЖЕ ВАШ ГАЛСТУК ОКАЗАЛСЯ НА ШЕЕ ДЕВУШКИ?».

По университету стали расползаться самые нелепые, шокирующие слухи. События прошлой ночи обсуждались всеми: от уборщиц до профессоров.

... Комендант общежития Лиля Леонидовна и так с трудом переносила ночные дежурства. А теперь... она пила корвалол, и ядрёная концентрация его запаха расползалась по коридорам студенческой многоэтажки...

— У неё было такое странное, белое лицо, — рассказывала пожилая женщина, смахивая прилипшую жёлтую прядь крашенных волос. — Я было подумала, что ей нездоровится... И спокойная... Она была такая спокойная...

Сутками ранее, около трёх ночи Светлана Воронина, студентка, проживающая в этом общежитии, покинув свою комнату, прошла по коридору и вышла на балкон.

— И что ей, думаю, нужно там в такое время? Не сидится им по комнатам. Так ведь они все курят теперь! Взрослые стали! — женщина внезапно замолкла, и увеличенная в очках слеза сползла, затерявшись в морщинках.

...Ужас потряс коменданта, когда она, одержимая благими целями, вышла из «дежурной» и оборотила взгляд к балкону. Она увидела

девушку, стоящую на его железных ржавых перилах. Та будто замерла в какой-то странной неестественной позе. Её ночная рубашка, такая детская, хлопковая, нежно прикрывающая девичье тело, развевалась на холодном ветру. Девушка крепко зажмурилась, медленно подняла руки и... спрыгнула... С 9 этажа.

* * *

...Задержав подозреваемого, Геннадий Генрихович не испытывал удовлетворения. На убийцу парень не походил. А эта улика... Галстук действительно принадлежал студенту, юноша даже не пытался это отрицать.

Открыв окно, следователь вынул непростую, в вензелях, зажигалку, покрутил в руке. После щелчка взвился синеватый дымок. Интересно, почему все курильщики, зачастую проводящие свою жизнь взаперти, каждый раз, открывая окно или выходя на балкон, делая, возможно, свой первый глоток свежего воздуха в день, незамедлительно достают сигарету? Будто боятся, что свежесть нарушит планы, прогонит уже хорошо продуманную мысль или заставит организм работать в новом ритме, не подходящем для нынешнего положения.

За двадцать лет службы следователю

приходилось видеть всякое, и, казалось бы, уже ничего не удивляло. Нынешняя молодёжь другая, более дерзкие они что ли. Но таким образом выражать свой протест или безысходность решится лишь совсем отчаявшаяся душа. К девчонке, однако, это определение не подходило.

Версия о самоубийстве довольно хлипкая. Результаты экспертизы однозначны — в крови погибшей ни алкоголя, ни наркотиков. Записок никаких не нашли. Парень однако пусть посидит, до выяснения обстоятельств...

Работа теперь предстояла большая. Надо опросить всех знакомых, однокурсников, родных. Накануне следователь решил ещё разок побеседовать с юношей. Тот держался неплохо, хотя бледность выдавала, каким ударом для него является пребывание в СИЗО. Казалось, его мучила какая-то мысль. Может, совесть грызёт?

— Ну что, раскаиваешься в содеянном? — Геннадий Генрихович следовал методике допроса. Если подозреваемый сознается, (а для этого его следует дожать), то дело раскрыто, убийца пойман.

— Что вы? Я не убивал! Сколько можно повторять? Мы дружили... Это неестественно, понимаете вы!!! — парень перешёл на крик, на детских щеках появились красные пятна.

«Нет, не врёт. Да и вообще выглядит как пацан», — Мокроусов в последнее время

нервничал. Листок рабочего блокнота был исчерчен различного калибра геометрическими фигурами. Особенно любил вычерчивать майор ромбы. Когда нервы шалили, угловатые фигуры появлялись даже на служебных бумагах, за что он не раз получал нарекания от начальства. Но серьёзных улик в этом деле не наблюдалось. Парня придётся отпускать.

...Через три дня коллектив университета вновь был потрясён. Ещё одна студентка выпала из окна. На этот раз свидетелей не нашлось, а в крови погибшей обнаружили немалую дозу алкоголя.

Поползли слухи о действии какой-то религиозной секты. Университет попал под особое внимание органов. Допросы, наблюдения, поиски каких-либо свидетельств о действии сектантских сообществ к результатам не привели. В адрес педагогического коллектива поступило обвинение в отсутствии воспитательной работы и упадке морально-нравственных ориентиров молодёжи. Это трагическое ЧП серьёзно подмочило репутацию главного вуза области.

* * *

...В этот день всё валилось из рук. Дина то и дело вскакивала, ходила по комнате, то вдруг замирала на долгие минуты, уставившись в одну точку. Хотелось всё вернуть! Вика, её лучшая

подруга, они же учились вместе и дружили ещё со школьных времён... Теперь её нет! НЕТ! Сердце от безысходности то замирало, то начинало бешено стучать, словно рвалось на части.

Девушка вскочила, вбежала на девятый этаж и остановилась на балконе... Захлебнувшись прохладным ветром, швырнувшим в лицо рыжую прядь, села прямо на бетонный пол в кучу окурков. Комок слёз застил горло. Дина закрыла лицо руками и зарыдала в голос.

— Красавица, — распевая последнюю «А», высунулся из дверного проёма черномазый юноша. — Что с тобой? Зачем, красавица, плачешь? — нагло улыбался парень.

— Отвали! — неожиданно зло огрызнулась девушка, вскочила с места и заколотила каблучками тапок-шлёпанцев вниз по лестнице. Что есть сил хлопнула дверью, вложив в удар всю силу отчаяния. Старые петли скрипнули, но сдюжили. Благо никто не слышал: все соседки разъехались на выходные по домам. Она схватила с трюмо пачку «Крим-ИНФО», свалив по пути вазу с высохшими цветами. Пошарив в кармане сумки, достала мобильный телефон. Кнопки не слушались, и только через минуту в трубке раздался длинный гудок...

Эту газету Дина часто покупала в киоске, на выходе из студенческого городка. Не пропускала ни

одного номера. «Тут все информативно, без «розовых соплей», — говорила она соседкам, спускавшимся с ней за компанию за очередным «Гламуром»...

На пятом сигнале ей ответил немного сонный голос с интонацией раздражения...

* * *

Выпив чашечку кофе, так естественно расслабиться в удобном старом кресле, потом закрыть глаза и позволить сладкой дрёме овладеть сознанием. Неожиданно резко прозвучавший звонок привёл в чувства, Вера с недовольством сняла трубку.

— Алло! Вы меня слышите?! — голос звучал крайне взволнованно.

— Я вас слышу.

— Вы кто? Мне нужен журналист. Очень важное дело, мне очень нужно. Умоляю, помогите!

— Я журналист, Вера Валуева. А вы кто? Что случилось?

— Я Дина... Дина Глаголева. Студентка, учусь в университете. Моя подруга вчера сбросилась с девятого этажа. Не верю, что сама она это сделала.

— Это не телефонный разговор. Да и милиция этим происшествием занимается...

— Милиция пусть занимается... Я хотела с вами кое-что обсудить. Поймите, Вика — моя подруга. Вернее, была... Вы мне поможете?

Валуева была опытным журналистом, а, значит, и хорошим психологом. По внешнему виду могла определить, что за фрукт очередной посетитель их «криминальной» редакции. Голос тоже о многом может поведать. И теперь у неё что-то ёкнуло внутри, как это бывает, когда интуиция шепчет — «здесь что-то есть» или «здесь что-то не так»... В девичьих интонациях явно прослеживалось неподдельное отчаяние, волнение зашкаливало. Если девушка действительно что-то знает, то это может стать зацепкой для дальнейшего серьёзного расследования. Первоначальные сведения ей уже были известны.

Вера до сих пор, в свои 34, сама выглядела как девчонка. Особенно когда собирала густые белокурые волосы в дерзкий хвост, сцепив непокорные локоны красной заколкой. Потёртые джинсы и с ярким рисунком футболка часто сбивали посетителей редакции с толку. К ней обращались: «А где заведующий отделом?». Это забавляло. Но сегодня взгляд её карих глаз был как никогда серьёзным. Этот случай о гибели восемнадцатилетней студентки просто шокировал...

Следующим утром в половине одиннадцатого

в дверь переговорной комнаты вошла высокая рыжеволосая девушка. Лицо её покрывали крупные веснушки. Бывают у людей веснушки в мелкую точку, как будто насекомые наследили, но встречаются также особы с золотыми хлопьями на лице. У посетительницы были именно такие. Она была взволнована, теребила в руках какой-то голубой платочек, всё поправляла волосы, в общем, вела себя довольно нервно.

Пообщавшись с ней минут двадцать и пообещав сразу позвонить, если что-то удастся узнать, Вера мягко выпроводила посетительницу, посоветовала пить успокоительное и хорошенько выспаться.

«Холодная голова» просто необходима настоящему журналисту, — частенько говаривал декан факультета, на котором училась Вера. По-настоящему смысл этой, ставшей крылатой, фразы молодая корреспондентка поняла, когда начала работать в издании, пишущем о криминале. Не сразу удалось адекватно реагировать на происшествия, которые в последнее время широким информационным потоком выливались из реальностей жизни на головы трудяг от пера, затем читателям, глуша все сентиментальные человеческие порывы.

В ОВД Валуеву знали хорошо. И знали, и уважали. Она не гонялась за жареными фактами, старалась подавать информацию с учётом разных точек зрения.

За подробностями криминальных событий Вера нередко обращалась к Ражнёву, капитану оперативной службы и по совместительству мужу её лучшей подруги Ларисы. И в этот раз она попросила его сообщить по делу всё, чем располагает следствие.

Через час номер Толика высветился на дисплее телефона. Выяснилось, что этой ночью парень, задержанный по делу Светланы Ворониной, повесился... прямо в камере, на шнурках кроссовок...

— Как понимаешь, дело могут закрыть.

— Понимаю. Но ведь парень не может быть убийцей второй жертвы, он не был на свободе.

— Это совпадение. Вторая девушка сбросилась, находясь в состоянии алкогольного опьянения. Кто её знает? Несчастливая любовь, конфликт с родителями, проблемы с учёбой. Аморальное поведение часто приводит к плохому концу. Здесь версий самоубийства может быть сколько угодно. Ты ведь знаешь, молодёжь сегодня неуправляемая.

— Да разные они все... — в раздумье

произнесла Вера и положила трубку.

Разные... Вера вышла на улицу и присела на лавку. Прохладный вечерний воздух настойчиво выпроводил бабушек с улицы к уютному домашнему креслу и тёплому чаю. Лишь мальчишка лет тринадцати нарезал круги на велосипеде. Поравнявшись с Верой, он легонько спрыгнул, положил транспорт прямо на асфальт и присел на скамью с серьёзным сосредоточенным видом.

— Вы читать любите?

— Люблю, а что?

— Я тоже, — парнишка поболтал ногой, загребая пыль под лавкой, поправил очки и снова спросил. — А спортом увлекаетесь?

— Ну да... Иногда, весной, бегаю по утрам. Когда погода хорошая. Обруч кручу...

— Ясно.

Юный собеседник посидел, подумал, почесал щеку о плечо, сделал ещё круг на велосипеде, и снова присел рядом...

— А какие игры компьютерные знаете?

— А я на компьютере не играю... Я, знаешь, пишу! — Вера поняла, что от встречных вопросов толку не будет, и решила просто понаблюдать.

— А у меня зрение минус пять...

— Правда?! — Вера искренне удивилась.

— Да. И, наверное, сейчас уже минус шесть. Я

давно маме говорю: «Пора проверить зрение!». А ей всё некогда и некогда. Она то на работе, то в командировке, то с сестрой сидит. Но это редко. Сестра вообще-то в круглосуточный садик ходит...

— А что папа?

— Папа? — пацан задумался. — А папы нет.

Он совсем по-взрослому поднял велик и покатил его на ночёвку куда-то к гаражам. Вера хотела спросить, как зовут этого маленького «корреспондента», но новые мысли завертелись в голове, отвлекли от мальчугана, и собеседник так и остался инкогнито...

Глава II

Разбудил Валуеву деловитый стук в оконную раму. Настырный воробей по старинке выискивал личинок, должных, по мнению птицы, расположиться именно там, в стеклопакете. Не находя их, птах терпеливо перемещался по карнизу сантиметр за сантиметром. Столкнувшись чёрными глазками-бусинами с сонным взглядом Веры, которая распахнула окно, чтобы пустить в комнату утренней свежести, маленький будильник сорвался по делам.

Вера отправилась в ванную, а выйдя оттуда через считанные минуты, допрыгала до кухни, пытаясь ввинтиться в тесные джинсы. Проглотив

наскоро пару бутербродов, в предвкушении нового, отправилась в университет, откуда намеревалась начать поиск информации.

Поскольку Игорь Вазов учился на юридическом, начать пришлось с декана этого факультета. Тот переадресовал её куратору группы. И вскоре Вера уже сидела в учебной аудитории, напротив — полная подвижная брюнетка.

— Мы все в шоке, — восклицала она, воздевая руки лопаточками к потолку, — уравновешенный, не конфликтный такой был, домашний... Тётка его воспитывала, — перламутровые губы то превращались в заглавное «О», то вытягивались в ниточку, когда хозяйка замолкала. — Серьезный такой был, рассудительный. Дружили они со Светланой. Я звонила в милицию, сказала, что он не мог быть убийцей... Вообще, это всё такой кошмар! Он ведь сам хотел быть адвокатом... Такое горе... — она, посекудно кивая, наконец, прижала руки к груди, что верно должно было означать, что говорит она от всей души.

В общем, беседа не принесла результатов, как и разговор с сокурсниками, поэтому Вера решила посетить родной журфак, где теперь училась Дина Глаголева.

...Несколько лет прошло, а ничего здесь не изменилось. Ошеломленная нахлынувшей вдруг

ностальгией, бывшая выпускница Верочка глубоко вздохнула. Знакомый, тот же самый запах, — смесь библиотечной пыли, коридора с затёртым мрамором и вечного ремонта...

Расписание висело на прежнем месте, и ей не составило труда выяснить, что занятия в группе 32 уже закончились. Дину предстояло искать в общежитии.

Это девятиэтажное здание располагалось в пяти минутах ходьбы от учебного корпуса, и Вера направилась туда. О, Господи, сколько воспоминаний связано с этими многоэтажками...

Дины на месте не было, а девчонка из её комнаты сообщила, что соседка сейчас на занятиях у психолога, которые посещает два раза в неделю и никогда не пропускает. Должна скоро вернуться.

Вера отказалась пройти в комнату и решила подождать на этаже в вестибюле. Здесь размещались два небольших теннисных стола.

«Тук-тук, тук-тук» отстукивали девчонка и мальчишка, успевающие одновременно следить за мячом и влюблёнными глазами смотреть друг на друга. Просто удивительно, насколько беззаботно в этом возрасте можно проводить время! Играли они вместо ракеток учебниками, и игра, увлекая, ладилась преотлично, возвращая журналистке спокойствие духа и мерность течения мыслей. И, возможно, поэтому время ожидания пролетело

незаметно.

Через полчаса появилась Дина, с глубокой печалью на лице. Девушка дважды скрипнула дверью, и они оказались в обычной студенческой комнате, с тремя «койко-местами». Соседка с важным видом собрала охапку одежды, взяла таз, порошок и удалилась.

— Устала я немного, — объяснила Дина. — Ещё вот фотографии с похорон принесли...

Рассматривая скорбные снимки, Вера недоумевала, зачем фотографировать горе. Его и так в жизни предостаточно, чтобы ещё фиксировать «на память»... Зачем? Чтобы потом в деталях рассматривать, кто как горевал? Как в гробу лежал покойный? Сколько венков и провожающих присутствовало? Такие фотографии стократ умножают пережитое... Но в данный момент эти снимки могли пригодиться.

— Кто это? — спросила она, ткнув пальцем в юношу, выражение лица которого ей показалось каким-то особенным.

— Егор, мой парень.

И только теперь Вера заметила портрет этого симпатичного светловолосого юноши за стеклом книжной полки.

— Он тоже знал Вику?

— Да, ведь она была моей подругой, мы всегда вместе... — Дина запнулась и вдруг

расплакалась. Успокоив девушку и уточнив кое-какие детали, Вера собралась уходить, но Дина её задержала.

— Хотите, я вам покажу её рисунки?

Из-под кровати она достала коробку, из которой выложила на стол аккуратно сложенные большие листы. Удивительные изображения птиц с обезьяньими головами, остромордых змей с человеческими ухмылками... Поразил рисунок дерева с поднятыми в мольбе о помощи руками вместо веток...

— Странно, — в задумчивости произнесла Вера.

— Да, многим её творчество кажется необычным. А в прошлом году она в конкурсе заняла первое место. Непонятно, но талантливо. Правда ведь?

— Бесспорно, талантливо. Можешь на время дать мне несколько её работ? И эти фотографии.

— Конечно, берите всё, что может пригодиться.

До редакции Вера решила пройтись пешком. Необходимо было время, чтобы начать складывать пазлы этой истории.

Информации маловато... С одной стороны, будущая журналистка не могла покончить с собой. Об этом в один голос твердят её сокурсники. Но с другой... Стоп. Вика посещала психологические

тренинги... Зачем? В профессиональных целях или же помощь нужна была ей самой? Неплохо бы посоветоваться со специалистом по поводу рисунков. Как там звали Викиного психолога?

* * *

Выяснилось, что Наталья Николаевна будет в университете только через неделю, но секретарь, молоденькая девчонка, студентка-заочница, продиктовала её телефон и домашний адрес даже не спросив, кому контакты понадобятся. Похоже, секретов тут ни у кого не было. «Ну, раз никто не делает тайн из приватной жизни, мой визит не окажется таким уж большим сюрпризом», — решила Вера и без предупредительного звонка отправилась по указанному адресу.

Дверь квартиры в небольшой пятиэтажке в Спортивном переулке открыла женщина из тех, чей возраст не определишь сразу. Ухоженная, темноволосая. Лоб покрыт тяжёлой чёлкой, квадратные очки в тёмной оправе, густо подведённые чёрным глаза. «Настоящий психолог», — Вера привычно просканировала «объект» и нашла женщину привлекательной.

— Вот, — выпалила Вера, когда все моменты дипломатии были соблюдены, и выложила на стол один за другим рисунки, добытые в общежитии,

при этом она твёрдо решила не рассказывать о трагической гибели автора, для чистоты эксперимента.

— О, весьма талантливо, — протянула Наталья Николаевна.

Она взяла рисунок, лежащий сверху. На нём углём было выведено дерево с человеческими руками вместо ветвей, тянувшимися в облака и, будто в сопротивлении сильному ветру, чуть согнутыми в сторону.

— Видите ли, в рисуночных методиках тестирования течение времени имеет направление. Традиционно слева направо. — Она провела ладонью по листу. На её руке, привлекая внимание к ухоженности загорелых пальцев, мелькнул белый перстень, необычайно крупный, по-видимому, из слоновой кости, изображающий черепаху.

— Тестируемый, изображая объекты, подсознательно отождествляет их с самим собой — это так называемая проекция. В том случае, если изображаемое направлено против течения времени, выражается подсознательное желание вернуться назад, в ту ситуацию, где было уютно, тепло — к беззаботному времени, например, под материнскую опеку. Вы меня понимаете? — слоновая черепаха вновь мелькнула, притягивая взгляд собеседницы.

— Да, то есть нет... Как это относится к этому рисунку?

— Ваша художница... Это ведь девушка?

— Да.

— Как я уже сказала, человек, проецирует на рисунок свои тайные желания, помыслы...

— Что это означает?

— Здесь мы видим очень много чувств, которые должны повлечь его к гармонии. А поскольку гармонии нет, то это рано или поздно ведёт к безысходности. Выраженное внутреннее противоборство. Неуверенность в будущем... Посмотрите на краски...

— А может ли это означать склонность к суициду?

— Высокая вероятность.

— А что вы скажете о других рисунках?

— Трудно сказать... Но здесь всё кричит о помощи, по-видимому, ждуть её неоткуда, по крайней мере, человек не видит возможного выхода. Нет опоры. Змея с лицом человека. Черты его размыты. Змея не имеет ног, опоры, дома, прикрепленного к земле. Дерево без корней... Уголь, преимущественно применяемый в работе. Штрихообразность контуров — всё это говорит о страхе, тревожности... Ваша художница, несмотря на отсутствие явных психических отклонений, была, если хотите, больна душой.

...В свою квартиру Вера вошла на неразгибающихся от усталости ногах уже затемно.

Однако, оказавшись в родной обстановке, в уютном уголке на кухне, она не заметила сама, как, движимая неизвестно каким по счёту дыханием, снова принялась за работу. Необъяснимая тревога не покидала. Откуда это ощущение? Изо всех сил журналистка ловила ниточки, но что-то мешало, мысль ускользала. Устроившись удобнее, Вера включила диктофон и несколько раз прокрутила часть сегодняшнего разговора в Строительном переулке. И вдруг осенило...

«Она её знала!!!» — эта догадка словно пронзила мозг, но вопросов в результате возникло ещё больше.

...Выходные пролетели в домашних заботах-хлопотах. Но Вера ещё несколько раз прокручивала ту часть разговора, где психолог явно произнесла глагол в прошедшем времени: «Ваша художница, несмотря на отсутствие явных психических отклонений, была, если хотите, больна душой». Да, она её знала. Знала и о гибели. Но ничего не сказала...

Вера не стала выяснять причины, решив сделать паузу и уточнить некоторые обстоятельства.

* * *

...Начало новой недели пришлось на Пункт

Плана «Три» — посещение Дома художника, где ежегодно проводился традиционный конкурс, в котором, по словам Дины, Вика заняла первое место. Этот конкурс был популярным среди студентов, здесь время от времени рождались новые имена.

Потрясающе живописное место на высоком холме венчало здание Дома художников, однако не отличавшееся архитектурной оригинальностью.

Объяснив свой визит профессиональным интересом к конкурсу, Вера задала вопрос о талантливой конкурсантке.

— Конечно, Вику Завьялову я хорошо знаю, — директор Дома художника слыла женщиной интеллигентной, в том смысле, который вкладывается в это понятие для характеристики человека образованного, с изысканными манерами, с особой интонацией нараспев. На голове колыхался правильный пучок серых с проседью волос, в ушах и на шее — винтажные «кружева». Она продолжала:

— Вика — будущий журналист и подающий надежды художник. Все члены жюри были просто потрясены её работами: завораживающие рисунки. В каждом глубочайшая мысль. Здесь и смысл жизни, и любовь, и трагедия одиночества, и какая-то вселенская тоска. Даже странно, что молоденькая девушка так способна чувствовать.

Это талант. Надеюсь, что в этом году увидим её новые работы.

На языке вертелось — «не увидим, никогда», но Вера решила промолчать.

— Вы знаете, — вдруг добавила директор, — мы все в неё просто влюбились. Она так мила, а как трогательно поддерживал её парень на церемонии награждения. Я думала, что таких отношений уже не осталось между молодыми людьми. Подарил ей букет тюльпанов. Мы за Вику так рады.

Беседуя, они подошли к стенду, и женщина вдруг встрепенулась.

— Да вот же! У нас даже снимок есть. Это церемония награждения, а вот и момент с тюльпанами. Правда, красивая пара? Глаз радуется, глядя на них.

...Вера взглянула на стенд и обомлела... Букет Вике подносил... Егор, тот самый юноша. Странное совпадение. Но это был именно он, Егор, которого Дина представила ей как своего возлюбленного.

— Кстати, не помню, как его зовут, но он из очень приличной семьи, — продолжала «распевать» директорша. — Его дед, Виталий Гаврилович Корсунский, был скульптором. Хорошим скульптором, не раз здесь у нас выставлялся, лет пять назад умер. Внук, правда, не пошёл по его стопам. По-моему, на психолога учится.

Глава III

— Тебе из каких-то независимых источников надо выяснить, что за парень этот Егор, — за вечерним чаем высказал своё мнение Борис.

«Муж журналистки», как в шутку называл себя он сам, работал начальником отдела снабжения. Рациональное мышление было его неотъемлемой особенностью, ведь с утра до вечера он занимался подсчётами, а это закаливает и ум, и характер. Но Вера ценила в нём способность разбираться в «душевных шевелениях» человеческой природы и потому рассказывала все подробности происшествий. Он нередко помогал ей взглянуть на ситуацию со стороны, и, подчас именно это позволяло разглядеть вещи настолько, что порой потрясало до глубины её «иррационального мышления».

— Положительный образ вырисовывается. Егор добрый, Егор хороший. Это настораживает. И, знаешь ли, девчонки его обожают, а на почве ревности не одно преступление было совершено. Кто его знает...

— Ты думаешь, Егор мог совершить преступление?

— Или Дина... Пока не понятно, чьи чувства сильнее. Для меня они как литературные

персонажи. Сужу с твоих слов.

— Может, опять к психологу обратиться? Она даст характеристику с научной точки зрения.

— Не знаю. Я лично психологам не очень доверяю.

— Ну, ты согласен, что Наталья Николаевна не случайно говорила о Вике в прошедшем времени?

— Конечно. Она же в этом университете работает. Наверняка про случившееся знает. Ты не спросила, а она не сочла нужным с тобой обсуждать эту тему. Напишешь ещё потом... ерунду всякую. Лучше промолчать. Она ведь на все твои вопросы ответила. Понимаешь, у некоторых аллергия на журналистов, как у меня на психологов.

— А мне она понравилась.

— Лучше поспрашивай про этого Егора у его однокурсников или знакомых. Так, может, что-то и выяснишь, за что-то зацепишься.

Чинное вечернее чаепитие и череду наставлений прервал Ражнёв неожиданным телефонным звонком.

— Ну вот, как всегда! — и Борис щёлкнул пультом, оживив экран телевизора, на котором появился футбольный судья с жёлтой карточкой оранжевому игроку. — Ой, я же совсем забыл!!! — Футбольный фанат Борис принялся болеть за своих, оставив без внимания очередной телефонный

разговор супруги.

— Ну что, — голос Толика звенел серебряными колокольцами, будто хозяина распирало сообщить преинтереснейшие подробности, — можешь больше не беспокоиться, сохранишь нервную систему.

— Спасибо, Ражнев, за заботу. Выкладывай, что случилось.

— Вера! — пытался вернуть законное внимание супруги Борис. — Верочка, тут же Игра Века! Потеше.

Но Вера уже всерьёз была увлечена новостями из области право- и неправосудия. По словам Толика, дело о студентах закрывают, и сам он настоятельно рекомендовал Вере оставить его, — «так никакого криминала, стопроцентный суицид».

Она сразу перезвонила Мокроусову. Следователь рапортовал:

— Молодёжь нынче неуравновешенная: спиртное, наркотики, в общем, ведут асоциальный образ жизни. Вот в это дело.

— А если по существу?

— Это по существу. Случай вопиющий, не спору. Но всё же первая девушка была сиротой, с детства страдала депрессиями, вторая жертва употребляла крепкие спиртные напитки, а парень, что повесился, вообще полоумной тёткой воспитывался. Так что всё понятно. Да что там

говорить, молодёжь совсем от рук отбилась. В общем, ничего криминального. Вы ведь тоже ничего такого не обнаружили?

— Да, ничего, — произнесла Вера и, поморщившись, положила трубку.

Впервые Вера за эти дни ощутила, что очень устала...

Да, молодёжь нередко вязнет в паутине современной жизни, реальность действительно для многих пугающая, ориентиры стираются, людьми начинает управлять отчаянье, они смотрят в будущее без энтузиазма...

Весь вечер она молча глядела в телевизор. Чемпионат по футболу продолжался, и муж в первых рядах неуёмных болельщиков ёрзал на диване, махал руками, то и дело восклицал. Казалось, весь дом болел за результат сегодняшней игры. В открытые окна доносились взрывы безудержного ора из других квартир их пятиэтажки. И почему-то на долю секунды раньше о голе узнавали там, а не в этой комнате. А потом, когда матч завершился, Борис ушёл спать, махнув рукой в сторону Веры, которая не реагировала на его бурную радость.

— Вера, я уже ложусь! Не засиживайся до утра!

В такие минуты её не следовало беспокоить,

ему это было хорошо известно. А за окном еще долго взрывали фейерверки, выражали восторг криками «оле-оле». В окнах напротив даже танцевали. Всю страну объединили эмоции победителей. Ночной город кипел...

— А что, наши, кажется, победили?... — только и сказала на прощанье Вера, ну, ещё «спокойной ночи», так и не променяв своих мыслей на всероссийскую радость.

* * *

...Утром в квартире Веры и Бориса первым проснулся телефон. Звонок настойчивой трелью раздражал барабанную перепонку.

— Кто такой умный в семь утра... — Вера протянула руку к телефону и нехотя подняла трубку.

— Вера Николаевна, это я, Дина. Вы извините, что я так рано звоню, но у меня есть одна новость, и это не телефонный разговор. Приезжайте скорей, я вас буду ждать, в универ не пойду, — девушка выпалила всё с таким волнением и так быстро, что Вера ещё минуту соображала, кто звонил и что сказал.

Наскоро одевшись, она уже через полчаса предъявляла своё удостоверение вахтёру общежития. Поднявшись на пятый, нашла Дину

сидящей на кровати и выливающей потоки слёз в уже мокрый платок...

— Представляете, я обнаружила записку в её старой тетради, — она протянула листок журналистке.

На белом тетрадном листке было выведено аккуратным почерком: *«Нет больше сил, не могу и не хочу ничего никому объяснять, виновных нет, есть только я и эти тени, они давят и толкают меня в бездну»*.

— Да, странно. Это её почерк?

— Конечно, да вы сами посмотрите, лекции её рукой написаны.

— Похоже... А почему ты только сегодня её обнаружила?

— У меня лекции по истории пропали куда-то, я решила воспользоваться Викиными записями. Она вела их так аккуратно, а все её тетради у меня, ведь Викина мама ещё не забирала вещи.

— Дина, стоп. Ты знакома с её мамой?

— Да, конечно.

— А как можно с ней встретиться?

— Я вам её телефон дам. А что с запиской делать?

— Дай мне и пока никому о ней не говори.

«Что это? Подтверждение официальной версии или совпадение, которое так часто случается

в криминальных историях и позволяет с облегчением вздохнуть сыщикам и с лёгким сердцем закрыть дело? Предсмертная записка — это доказательство суицида. И что теперь? Дина сама должна понять, что это неопровержимый документ самоубийства её подруги...».

В этих мыслях Вера вышла на улицу. Заочно поблагодарив Бориса, который сегодня насильно засунул ей в сумку зонтик, так как крупные капли, стремительно начав свой разбег, уже громко барабанили по асфальту, она набрала добытый у Дины номер Викиной мамы и, перекрикивая шум бурлящей улицы, договорилась с ней о встрече.

Родители Вики жили в нескольких часах езды от областного центра, в небольшом городке-спутнике.

Женщина была в трауре. Ещё молодое лицо выглядело осунувшимся. Серые, ставшие металлическими, глаза не могли скрыть невыплаканную горечь. Она встретила Веру довольно сдержанно.

— Нина Михайловна, расскажите про свою дочь.

Женщина тяжело вздохнула:

— Скажите, вам это зачем нужно? Ради сенсации?

— Нет. Этим сейчас никого не удивишь, скорее, ради правды, добыть которую становится

всё сложнее.

— Если так, то я вам сразу заявляю, что моя дочь не пила, не кололась, вела здоровый образ жизни. В её самоубийство я не верю.

— А зачем она посещала психологический практикум, если с психикой у неё проблем не было? — Вера сказала это наобум, для того, чтобы прояснить некоторые сомнения.

— А, вы про это... Ну, как сказать. Она ведь собиралась стать журналистом, ей бы это пригодилось. А во-вторых, девочка она была необычная, не по возрасту взрослая что ли. У таких талантливых детей всегда бывают трудности в общении со сверстниками. У неё не было близких друзей. Да и некогда... Вы же знаете, наверное, Вика прекрасно рисовала, она всегда была чем-то занята.

— Но у Вики же была подруга. Дина Глаголева.

— Дина? Я про неё не слышала... Мне Вика ничего не говорила... Она с Егором Корсунским общалась. Вместе учились. Хороший парень, искренне соболезнует нашему горю.

Извинившись за беспокойство, Вера собралась уходить, но её внимание привлекли картины на стенах. Нина Михайловна, заметив взгляд журналистки, сказала:

— Это рисовала моя доченька. Смотрите,

разве такое мог создать человек, склонный к самоубийству? Мне кажется, что Вика здесь, со мной, в этих рисунках, такая же светлая, жизнерадостная, всегда с улыбкой, — женщина тихо заплакала.

Картины действительно будто светились. На них были изображены: девушка с лебедиными крыльями, изящно обнимающая тонкий берёзовый ствол; золотая осенняя аллея с забытым на ней кем-то зонтом; облака в вечернем небе, напоминающие корабль с алыми парусами. Ни обезьяньих морд, ни змеиных ухмылок. Радостно, романтично, светло.

Провожая Веру, женщина попросила:

— Не пишите про мою девочку плохо. Она ни в чём не виновата. Эта смерть просто нелепость. Я буду вам благодарна, если вы узнаете и напишете правду.

— Я постараюсь, — сказала Вера и попрощалась.

* * *

Ночь оказалась бессонной. Мысли не давали покоя, лезли в голову и ворочались в ней так, что тупая боль уже давно занудливо бубнила о необходимости принять таблетку. Вставать не

хотелось. Но в комнате было так душно, что она заставила себя подняться. Приняв пилюлю, вышла на балкон и стала рассматривать звёзды, которыми было усыпано весеннее ясное небо... Затем отправилась в постель, в надежде забыться в царстве Морфея.

Где-то в половине третьего Вера снова проснулась. За окном грохнуло, будто что-то взорвалось. Оказалось, что в старый дуб, росший под окнами, врезался УАЗик. Из кабины неслась забойная музыка. Сосед Колька вернулся с очередной гулянки, на этот раз едва ни в последний... За рулём находился его приятель Витёк. Коля выполз из машины со страшными ругательствами, этажность которых не счёл бы даже бухгалтер со стажем. По двору разносились угрозы: «Ну, всё, ты попал,...на 600 баксов! Твою мать! Ну, всё, 600 баксов!». Эти вопли в различных тональностях повторились раз пятнадцать.

В свете дуэта луны и фонаря Вера разглядела, что голова Кольки в крови. Видимо, он неслабо ударился о лобовое стекло в момент столкновения с деревом. Но горе его по поводу разбитой машины было так велико, что он не ощущал боли. Бегал по двору, размахивал руками, то причитая, то угрожая. Из машины вылезли три девушки. Пассажирки именно «вылезли», они были тоже не трезвы. В конце концов, несколько уgomонив страдальца,

компания повела раненого в травмпункт, находящийся, к счастью, в десяти минутах пешего хода от дома. Отсутствовали они не более получаса, а вернувшись, уселись на скамейку возле дома и, уже несколько спокойнее, продолжали обсуждать случившееся.

...А в это время возле подъезда мирно дремал Петя, 35-летний безработный, любивший иногда отдохнуть на скамеечке, особенно в «состоянии нестояния», овладевавшего им довольно часто. Вздрогнув от голосов, он начал суетливо озираться, предвкушая встречу с отметелившими его некоторое время назад друзьями. Обида взыграла в проснувшемся Пете и разбудила ярость.

Он, громко икнув, поднял с земли деревянный дрын и направился к притихшей было компании. Коля в повязке под опекой пьяных девиц отходил от пережитого стресса. Никто и не ожидал, а Петя, подкравшись сзади, со всей силушки, нанёс сокрушительный удар по перевязанной голове бедолаги. «А-а-а!!! — завизжали девицы. «А-а-а!!!» — вторил басом покалеченный Коля. Сам нападавший, озверев окончательно, угрожающе завопил, оскалив зубы: «А-а-а!» — и треснул еще раз. В этой какофонии никто из участников ночного представления не заметил, как подъехала милицейская машина, вызванная соседями. Из неё выкатился грузный блюститель порядка и в целях

профилактики... врезал Кольке по злосчастной голове резиновой дубинкой. Затем всю кучу-малу транспортировали в участок...

Во дворе воцарилась тишина. Люди, разбуженные среди ночи, вышли на балконы и тихо переговаривались. Кое-где раздавались смешки. И всё же всем было жалко непутёвого Кольку. Его УАЗик так и стоял сиротливо под деревом, с подбитой фарой и покосившимся бампером.

Досмотрев неожиданно развернувшуюся во дворе драму, Вера закрыла балконную дверь, зашторила окна и, стараясь не шуметь, легла в кровать. Борис мирно спал. «Утром расскажу», — подумала она и, повернувшись на бок, закрыла глаза. И словно провалилась...

Сны её были странные: девушки, летящие в бездну и превращающиеся в птиц с обезьяньими головами; маленький резиновый милиционер, которого вдруг взялся надувать сосед Колька, и раздул до огромных размеров. Тот, в конце концов, звонко лопнул, и брызги какой-то зелёной слизи попали Вере на платье. Она стала вытирать его махровым полотенцем, из-под которого выползла чёрная змея с жуткой усмешкой на морде. Тело её извивалось, а изо рта раздавались слова: «Она была неуравновешенной, — равновешенной, — вешенной, — шенной». Слова стали походить на шипение, и Вера от ужаса проснулась. Лицо горело,

голова была тяжёлой. Борис с тревогой смотрел на неё.

— Вера, у тебя температура. Сегодня ты никуда не идёшь, я вызову врача.

— Когда я успела простудиться? Да... ночью, на балконе. Представляешь... — Вера стала рассказывать ночную историю.

Борис улыбнулся, но через мгновение его лицо стало серьёзным.

— Вера, ты должна лежать в постели, а не мотаться по студенческим общагам. И вообще, оставь это дело.

— Недавно Толик сказал мне то же самое.

— Что ты должна лежать в постели?!

— Нет. Что я должна оставить это дело. Ну, ладно, вызывай врача. Мне надо всё хорошенько обдумать.

Глава IV

Несомненно, в перспективе «поболеть» есть своя прелесть. Утро... приятное... без будильника! В голове играет музыка... Что-то классическое, неспешное... Фортепиано. Мысли текут сладко, ощущаешь всем телом, как это — проснуться утром, когда тебе никуда не надо спешить, можно заняться, наконец, собой. Первым делом сделать маникюр, потом педикюр, потом покрутить педали